

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Къ вопросу о полумѣсяцѣ, какъ символѣ ислама.

В. В. Бартольда.

(Доложено въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 31 января 1918 г.).

Въ задачу настоящей статьи не входитъ разсмотрѣніе во всемъ его объемѣ сложнаго вопроса о полумѣсяцѣ, какъ религіозномъ и геральдическомъ символѣ, унаслѣдованномъ мусульманскими народами отъ болѣе древнихъ народовъ Азіи. Настоящія строки имѣютъ цѣлью только обратить вниманіе на нѣкоторыя стороны этого вопроса, до сихъ поръ еще недостаточно выясненныя. Несмотря на нѣкоторые факты, указывающіе на раннее усвоеніе этого символа исламомъ, появленіе полумѣсяца надъ крышами и куполами мечетей и противопоставленіе его кресту христіанскихъ храмовъ — явленія сравнительно позднія и неполучившія общаго распространенія. Въ русской литературѣ было обращено вниманіе¹ на свидѣтельство автора X в. Ибн-ал-Факиха² о двухъ полумѣсяцахъ, посланныхъ въ Мекку халифомъ Омаромъ I и «повѣшенныхъ въ Ка'бѣ»; изъ этого видно, что полумѣсяцу въ религіозномъ культѣ придавали тогда другое значеніе, чѣмъ впоследствии. Едва ли даже въ разказахъ первоисточниковъ о крестовыхъ походахъ можно встрѣтить выраженія, гдѣ бы борьба христіанства съ исламомъ изображалась, какъ борьба креста съ полумѣсяцемъ; въ разказѣ Ибн-ал-Асира³ о взятіи Іерусалима Саладиномъ въ 1187 г. говорится о снятіи большого позолоченаго креста съ вершины Сахры (скалы), но ничего не говорится о водруженіи вмѣсто него полумѣсяца. Въ докладѣ Н. Я. Марра о раскопкахъ въ Ани, прочитанномъ въ декабрѣ 1911 г. въ восточномъ отдѣленіи Рус-

¹ К. А. Иностранцевъ въ ЗВО. XVII, 69 и 76.

² Bibl. Geogr. Arab. V, 20, 20.

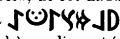
³ Ibn el-Athir ed. Tornberg XI, 364. Текстъ также въ христоматіи Гиргаса и бар. Розена, стр. 269.

скаго Археологическаго Общества, упоминалось объ обращеніи анійскаго собора въ XI в. въ мечеть, причемъ «изъ Хлата выписанъ былъ серебряный полумѣсяцъ для водруженія на куполъ взамѣнъ креста, вновь возстановленнаго грузинскимъ царемъ Давидомъ Строителемъ въ первой четверти XII в.». Во время преній, вызванныхъ докладомъ, Я. И. Смирновымъ было высказано предположеніе, что «молодой мѣсяцъ могъ быть на анійскихъ мечетяхъ, какъ на сельджукскихъ постройкахъ въ Малой Азіи, символомъ не религіознымъ, а династическимъ, такъ какъ Шеддаиды были вассалами Сельджукидовъ»¹. Во всякомъ случаѣ полумѣсяцъ, какъ религіозный символъ, имѣвшій для мечетей то же значеніе, какъ крестъ для христіанскихъ храмовъ, былъ характеренъ не для ислама вообще, но специально для турецко-османскаго ислама, и напримѣръ на туркестанскихъ мечетяхъ не встрѣчался до русскаго завоеванія.

Часто упоминалось о полумѣсяцѣ, какъ мотивѣ сасанидскаго искусства и, вѣроятно, сасанидской геральдики; указывалось на изображеніе полумѣсяца на сасанидскихъ монетахъ; но писавшіе о полумѣсяцѣ, если не ошибаюсь, до сихъ поръ не обратили вниманія на текстъ, хотя давно изданный и переведенный, гдѣ говорится о полумѣсяцѣ на куполѣ сасанидскаго храма.

Въ приведенномъ у Якута² разсказѣ Абу-Дулефа (X в.) о храмѣ Шиизъ (нынѣ развалины Тахт-и-Сулейманъ), главной государственной святыни сасанидской Персіи, между прочимъ сказано: «На вершинѣ его купола серебряный полумѣсяцъ, служащій талисманомъ; многіе изъ эмировъ хотѣли его удалить, но не были въ состояніи». Очень вѣроятно, что полумѣсяцъ надъ куполомъ Шииза былъ символомъ не столько религіознымъ, сколько династическимъ, и что этотъ символъ не былъ распространенъ въ восточной части Ирана; иначе онъ въ мусульманскомъ мірѣ получилъ бы болѣе широкое распространеніе.

Средневѣковые авторы чаще говорятъ о полумѣсяцѣ на знаменахъ, чѣмъ о полумѣсяцѣ на мечетяхъ. Употреблявшійся въ государствѣ Фатими-

¹ ЗВО. XXI, стр. XLVII и сл. Проф. В. Томсенемъ (Turcica, Helsingf. 1916 = Mém. de la Soc. Finno-Ougrienne XXXVII, 31) высказано предположеніе, что полумѣсяцъ задолго до ислама, еще въ VIII в., «était déjà devenu l'emblème des Turcs», но это мнѣніе основано только на крайне шаткомъ толкованіи слова надписи Кюль-тегина (въ изданіи Меліоранскаго ЗВО. XII, К. 33,19) какъ *ajalmasinda* «(paré de) son diamant (en forme) de lune». Противоположную крайность представляетъ мнѣніе, выраженное въ энциклопедіи Th. P. Hughes (Dictionary of Islam, s. v. crescent), что турки заимствовали этотъ символъ у византийцевъ и усвоили его только послѣ завоеванія Константинополя.

² Jacut s. v. شیيز (III, 355,2). Ср. A. V. W. Jackson, Persia past and present, 1906, p. 132.

довъ терминъ хѣфиръ (подкова), для обозначенія «полумѣсяца изъ красныхъ яхонтовъ», прикрѣплявшася къ вѣнцу халифа¹, заставляетъ полагать, что въ полумѣсяцѣ видѣли не только изображеніе небеснаго свѣтила, но также изображеніе копыта боевого коня. На такоѣ же толкованіе намекаетъ анонимный авторъ, писавшій въ XVI в. въ Дамаскѣ свою лѣтопись, единственная рукопись которой находится въ Тюбингенѣ². Въ пятницу 30-го рамазана 923 г. (16 октября 1517) румцы (турки-османцы) вынесли изъ цитадели Дамаска въ мечеть Омейядовъ красное знамя, безъ вышивки, съ серебрянымъ позолоченымъ полумѣсяцемъ на верхушкѣ, и поставили его у среднихъ изъ трехъ воротъ, находящихся подъ «орлянымъ куполомъ», какъ его ставили обыкновенно; имъ замѣнили прежнее, болѣе великолѣпное знамя черкесовъ, изъ желтаго атласнаго бархата, съ вышивкой и золотымъ полумѣсяцемъ, «походившимъ на копыто (коня) Мустафы»³ (т. е. Мухаммеда)⁴. Едва ли могло бы быть подтверждено какими-нибудь средневѣковыми мусульманскими текстами мнѣніе Якубъ-Артинь-паши о полумѣсяцѣ «comme un symbole de bonheur, de joie, de renouveau, ou comme désignant la nouvelle religion dans sa croissance»⁵.

¹ ЗВО. XVII, 26.

² Ср. Миръ Ислама I (1912), 373, пр. 2.

³ وهلاله من ذهب شبه نعل المصطفى.

⁴ Тюбингенская рукоп. М. а. VI. 7, л. 84 б.

⁵ Yacoub Artin Pacha, Contribution à l'étude du blason en Orient, Londres 1902,